

Научная статья

УДК 82.0

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.12

КАТЕГОРИЯ ТРАГИЧЕСКОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ Ф. КРЮКОВА

Гао Хань

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

578382104@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-7734-1813>

Аннотация. В статье предпринимается попытка осмысления категории трагического в творчестве Ф. Крюкова начала XX века. Крюков — писатель-реалист, политик и журналист; трагическое сознание является основной характеристикой его рассказов и эстетического выбора. Наиболее прямым и сильным способом выражения трагического сознания в произведениях Крюкова служит формирование образов трагических персонажей. Трагические сюжеты развиваются в повседневности, характеризующей картину мира донских казаков, и позволяют писателю многопланово выразить трагическое восприятие эпохи.

Ключевые слова: трагическое сознание, донские казаки, Ф. Крюков, А. Шопенгауэр.

Для цитирования: Гао Хань. (2023). Категория трагического в художественной прозе Ф. Крюкова. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 1(49), 142–150. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.12

Original article

UDC 82.0

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.12

CATEGORY OF TRAGIC
IN F. KRYUKOV'S PROSE

Gao Han

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia578382104@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-7734-1813>

Abstract. The article attempts to comprehend the tragedy in F. Kryukov's works dating back to the beginning of the 20th century. As a realist writer, a united politician and journalist, Kryukov considered tragic consciousness to be the leading feature of his stories and the aesthetic choice. The tragic consciousness of Kryukov's is unique in the way of expressing itself: designing tragic characters' images is done in the most direct and powerful way. Tragic plots develop against the daily routine of the Don Cossacks. The tragedy of Kryukov as an excellent writer would show the diversity and richness of connotations together with paying special attention to expressing tragic consciousness.

Keywords: tragic consciousness, Don Cossacks, F. Kryukov, A. Schopenhauer.

For citation: Gao Han. (2023). Category of tragic in F. Kryukov's prose. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 142–150. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.12

Трагические ситуации в судьбах персонажей Ф. Крюкова соотносены как с личной волей, так и с волей случая, волей «другого», что в определенной мере коррелирует с положениями трудов А. Шопенгауэра («Мир как воля и представление», 1818; «Parerga und Paralipomena» [гл. «К учению о страдании мира»], 1841, 1851) (Гардинер, 2003, с. 26–40; Матвеева, 2014, с. 159; Юдин, Бандурин, 2013). Данное соотношение дает основу для осмысления трагического у Ф. Крюкова как эстетической категории. Обращение к идеям Шопенгауэра объясняется тем, что философия трагедии была характерна «как для философских умонастроений XX века» в целом, так и для русской литературы начала XX века в частности: «Атмосферой трагического дышит почти вся литература Серебряного века в отличие от гармоничного духа классики» (Колобаева, 2013, с. 145).

Согласно концепции Шопенгауэра, неудовлетворенная воля индивидуума мучительна. Как утверждал Шопенгауэр в работе «К учению о страдании мира», жизнь человека в частности — комедия, в целом — трагедия, она представляет собой борьбу за существование, обреченную на поражение. Поскольку хотение человека не может быть полностью удовлетворено (объект хотения всегда обретает новый вид), жизнь представляется ошибкой, поэтому

необходимо освободиться от хотения и освободить себя от воли (стремления, желания). При этом воля — сущность человека, а воля человека — феномен мировой Воли. Вместе с тем страдание необходимо человеку для понимания смысла вечного бытия и достижения высшего сознания, как кораблю необходим балласт, чтобы не перевернуться. К признанию, пониманию страдания призывал и Л. Шестов, который писал о неизбежности трагического опыта, открывающего индивидууму «суетность всяких земных привилегий» (Баранова-Шестова, 1983, с. 146).

Философский пессимизм не был свойствен Крюкову, как не свойствен он его героям с их волей к жизни. Однако в сюжетах его повестей и рассказов достаточно трагических ситуаций как последствий конфликтов сознательной и бессознательной личной воли и объективных обстоятельств, воли и совести, воли и случая.

В целом на сюжеты художественных текстов проецируется вывод Шопенгауэра о типах трагического, в которых актуализированы такие экзистенциальные проблемы бытия, как судьба личности и боль жизни. Опираясь на произведения Еврипида, Софокла, У. Шекспира, Вольтера, Ф. Шиллера, Шопенгауэр вывел три типа трагического: 1) трагедия, вызванная необычайной злобой личности; 2) трагедия, вызванная слепой судьбой и случайными ошибками; 3) трагедия, вызванная разным статусом и взаимоотношениями людей (Шопенгауэр, 2015, с. 475). Шопенгауэр отдавал предпочтение третьему типу, который предполагает трагическое не как исключение, но как естественное и даже неизбежное следствие отношений характеров: «Мне кажется, что этот последний род трагедии гораздо предпочтительнее двух других, ибо он рисует нам величайшее несчастье не в виде исключения, не как продукт редкого сочетания обстоятельств или чудовищных характеров, а как нечто почти неизбежное, легко и само собой вытекающее из людских поступков и характеров, и именно этим являет несчастье в устрашающей близости к нам» (Шопенгауэр, 2015, с. 476).

Писатель-реалист, журналист, общественный деятель, Крюков изобразил жизнь казаков 1900–1910-х годов, осложненную чрезвычайными социальными и политическими обстоятельствами. В трагических событиях, описанных в его произведениях, минимизированы отношения злобы в межличностном общении и актуализированы конфликты внутренние или обусловленные как вмешательством случая, так и политическим выбором, идеей. Трагический результат цепи событий, связанных с социальным и семейным статусом главного героя (героини), представлен как следствие внутреннего конфликта, вызванного актом личной воли, в том числе ошибочным. Таким образом, изображение частной судьбы предполагает сочетание ряда предпосылок трагизма, соответствующих второму и третьему типу трагического в классификации Шопенгауэра.

В рассказе «Гулебщики (Очерк из быта стародавнего казачества)» (1892) повествуется о случайной гибели казака Филиппа. В начале рассказа описывается внешность персонажа: «Лицо у Филиппа было очень некрасивое:

смуглое, мазаное и рябое; нижняя губа была толстая и большая, нос тоже толстый и огромный» (Крюков, 1892, с. 54). Непривлекательная внешность не снижает его самооценки, поскольку героем управляет воля, которая придает цель его жизни. В нем сильна маскулинность, в своей повседневности он ценит добычу, женщину, мать. Он открыт миру и человеку: «Не в первый раз он видел эту степь, и всегда она захватывала и покоряла его себе», «Багор заливался соловьем: сильный, гибкий и высокий, голос его разливался тоскующими переливами и хватал за сердце», «Филипп, глядя в эти глаза и на ее черные, дугообразные, тонкие брови, почувствовал в груди легкое замирание» (Крюков, 1892, с. 56).

Привычной станичной жизни герой предпочитает волевое действие: услышав новость о предстоящем набеге на аул, он присоединяется к гулебщикам — охотникам в отъезде, отправляется с ними за лошадьми, добротной одеждой, за черкешенкой. В философской системе Шопенгауэра воля к жизни противопоставлена разуму: миром, движением организмов правит воля (бессознательный порыв), но не разум. В рассказе Крюкова иррациональная воля доминирует над разумом, героя не смущает ни аморальность предпринятого казаками грабежа, ни тревожные предчувствия матери: «Останься, родимый мой!.. Вот как у меня сердце болит... Сон ноне нехороший видала: как будто зуб выпал...» (Крюков, 1892, с. 64). Отсутствие чувства опасности коррелирует с зафиксированным в народных казачьих песнях принятием возможной гибели: «Пусть она не тужит, пусть не плачет обо мне; на то, знать, она родила меня, чтобы помереть в чужой стороне; расскажите ей, моей родимой, как кончалась моя жизнь» (Крюков, 1892, с. 66). Удачно начатый набег завершается трагически: на обратном пути казаки попадают в засаду к калмыкам и Филипп погибает. Итак, трагизм в рассказе вызван случаем.

Крюков описывает смерть как явление, в котором сочетаются экзистенциальная трагедия и бытийное соединение умершего с вечностью. Финальный эпизод рассказа отмечен авторским лиризмом. Описанная физическая боль в тмени и правом плече, ощущение теплой крови во рту сменяются мотивом спасительного покоя (использованы лексические эмотивы: «легкий», «приятный», «сладостный»). За натуралистическим и оскорбительным для личностного сознания описанием (калмык пикой прокалывает живот Филиппа, с него снимают одежду и т. д.) следует картина ясного звездного ночного неба. Крюков вводит в повествование деталь, связующую погибшего Филиппа и вечное небо, — старообрядческий медный крест на его шее. Так финал привносит в содержание рассказа метафизический смысл.

На контрасте с переходом героя в вечность дан тоскливый вой степного волка — своеобразного двойника живого Филиппа («точь-в-точь так, как пять дней назад заливался Филипп»: «он, сложив ладони в трубку и приложив к губам, завыл, как стая голодных волков» (Крюков, 1892, с. 73)).

Отношение автора к смерти сложнее философом Шопенгауэра («Мир как воля и представление», гл. «Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа»). Внимание Шопенгауэра обращено к абстракции, внимание Крюкова сфокусировано на личности, он сочувствует герою и, не прибегая к философским комментариям, смягчает трагедию конца земного пути ощущением перехода к бессмертию. При этом Крюков не умаляет ценностей земного бытия.

Шопенгауэр пишет об онтологической ценности смерти, видит в смерти (временном конце) освобождение от страданий и путь к последующей земной жизни человечества. Таким образом минимизируется экзистенциальная ценность индивидуума. Свое умозаключение Шопенгауэр мотивирует логикой целесообразности мироустройства: общая все-мать (природа) оставляет своих детей без защиты, обрекает их на гибель, зная, что они падают в ее же лоно и в нем спасаются. В результате в философии Шопенгауэра формулируется мысль об эфемерности жизни и смерти.

В рассказах «Казачка» (1896), «Офицерша» (1912), «На речке Лазоревой» (1911) трагедия жизни также представлена результатом личной воли главных героев. Судя по сюжетам, Крюков разрабатывал различные версии трагического.

Названные рассказы свидетельствуют о разрушении нравственных основ в казачьем обществе. Крюков показывает, «как рвутся издавна уважаемые семейные и родовые связи, <...> как ослабевает духовный потенциал человеческого общежития» (Малюкова, 2019, с. 82). В «Казачке» самоубийство жалмерки Натальи — итог проявления воли к запретной любви. Острота трагизма обусловлена тем, что смерть героини — расплата за единственную измену мужу («кутнула раз») (Крюков, 1990, с. 58). Чем сильнее воля Натальи к свободе, тем очевиднее проявляются трагические смыслы повествования, апогей которых — ее смерть. В глазах станичников она грешница. Психологизм повествования обусловлен сочетанием любовной страсти, с одной стороны, и семейных обстоятельств, страхов и совести героини — с другой. Напряженность ситуации подчеркнута антитезой между искаженной судьбой героини и ее естественной красотой: «Смуглое лицо ее, продолговатое, южного типа, с тонким прямым носом, с тонкими черными бровями и глазами, опущенными длинными темными ресницами, было особенно красиво своей улыбкой» (Крюков, 1990, с. 26). Степень драматизации нарратива определена как сюжетом, так и двумя повествователями — имплицитным (автором) и эксплицитным (станичным интеллигентом — студентом Ермаковым).

В приведенных рассказах трагическое как философская категория представлено в традиционном варианте: в основу сюжета положен неразрешимый внешний или внутренний конфликт, предпосылкой к которому Крюков показывает акт свободной воли человека. При этом если в «Гулебщиках» главный мотиватор финала — роковая случайность, то в «Казачке» самоубийство

героини — проявление ее воли. Характерные для трагического нарратива катарсические состояния героев либо отсутствуют («Гулебщики»), либо минимизированы («Казачка»), тогда как катарсис читателя достигается через реакции повествователей.

История о также изменившей мужу жалмерке развернута в рассказе «Офицерша». Трагизм проявляется в неразрешимости внутреннего конфликта Варвары, тогда как события отмечены драматизмом — Клюев описывает разрешимую ситуацию: героиня освобождается от плода, вернувшийся со службы муж предпочитает станичной жизни город и оставляет семью, героиня соглашается на сожителство со старым офицером. В рассказе трагизм внутреннего мира Варвары сменяется драматизмом судьбы, достигнутым через компромиссный выбор.

В рассказах «Казачка» и «Офицерша» представлен сходный опыт художественного осмысления трагического. Героинь сближает, во-первых, осознание своей самости и противоположной ей вины, которая приводит к состоянию тревоги, в итоге — к наказанию или самонаказанию (как освобождению от тревоги). Самоопределение, вина, тревога — мотивы, формирующие сложный психологический портрет героинь. Во-вторых, Наталья и Варвара не безупречны, не относятся к высоким героям: в конфликте между свободной волей и необходимостью обе находятся в слабой позиции. Крюков сводит трагическое к моральной проблематике, обнуляет его метафизический смысл. С содержанием рассказов коррелирует мысль, высказанная Ю. Боровым, согласно которой в истории литературы «трагический герой — носитель принципа, выходящего за рамки индивидуального бытия: некой всемирно-исторической идеи», сменился героем, в жизни которого трагическое проявляется как «обыкновенная история» (Борев, 2002, с. 69, 75).

Для трагических сюжетов самоубийство показательно как «момент истины» (Борев, 2002, с. 79). Помимо «Казачки», оно включено в историю героя из рассказа «На речке Лазоревой». Однако, в отличие от «Казачки», добровольная смерть в нем — показатель изломанной психики носителя абсолютного зла. Герой рассказа Кондрат Чекушев не знает вины, раскаяния, страха наказания. Он физически и морально истязает жену, унижает сына. Воплощенный кошмар семьи, он представляется рассказчику монументальной фигурой с занесенным кулаком, тогда как покорность его жены осмысливается как фатальное бессилие. Во время прилюдного семейного конфликта Кондрат встречает физический отпор сына; он смешон и жалок, его самоидентификация сломлена: «рыдал Кондрат Чекушев, бессильный и опозоренный, рыдал человек, ведавший блеск власти и почти неограниченного могущества, а ныне упавший до уличного посрамления» (Крюков, 1993, с. 268). Закончивший свою жизнь в петле, герой не вызывает сочувствия станичников, для них он — живодер, для сына — злодей. В причитаниях идущей за гробом жены звучит сожаление о том, что Кондрат не удавился раньше. В станице разрастается inferнальная

мифология: «говорят, каждую ночь к бабам является в избы... Прилетит, сядет на трубу и сидит... Чертей этих на нем, говорят, как грязи!.. Теперь до шести недель шататься будет, — ничего не поделаешь... Ладаном только спастись да святой водой на ночь кропить... А то одолеет!..» (Крюков, 1993, с. 268).

Другим средством защиты от боли жизни Шопенгауэр называет искусство (Андреева, 2001, с. 139): человеческий мозг, погруженный в литературу и искусство, входит в состояние объективного наблюдения за вещами. Эффект компенсаторной функции творчества описан в рассказе «Счастье» (1911). Главный герой — молодой казак, в котором станичники видят второго Кольцова. Он, автор лирических стихов и сатирической поэмы о блудливости военного писаря, вдохновляется поэзией классиков, погружается в чтение книг, которые «уносили его мысль из тесного и скудного впечатлениями угла в беспредельную область жизни яркой, богатой, заманчивой, возбуждали мечты, желания и зависть» (Крюков, 1990, с. 284); благодаря книгам жизнь предстает ему во всей сложности и многообразии, скука бытия сменяется восторгом. Сбывается предупреждение деда бежать от книг, как Лот от содомян: героя рассказа арестовывают как смутьяна и станичного социалиста.

Содержание финального эпизода рассказа противоположно мысли Шопенгауэра о том, что с окончанием художественного акта субъект возвращается в реальный мир, надевает оковы желая, по сути — возвращается к комплексу трагического. Главный герой, находясь в станичной каталажке и помня о намерении генерала отправить его на пять лет в Сибирь, испытывает счастье от сопричастности борцам за свободное слово. Как следует из всех рассказов Крюкова, счастье в аксиологии казачества занимает куда более значимое место, чем трагизм бытия. Соотношение счастья и трагического или драматического вариативно. Самоубийца Наталья («Казачка») «думала счастьеце найтить. Сердце потешить!» (Крюков, 1990, с. 58), ее стремление к счастью сменяется болью жизни, тогда как узник («Счастье») пребывает в предчувствии радостных перемен.

Выводы

Через все произведения Крюкова, «певца тихого Дона» (Андреева, 2001, с. 115), проходит тема личной воли и мировой Воли, выраженной в случае или сочетании устоявшихся внешних обстоятельств. Крюков не принадлежит к поучающим прозаикам. В подавляющем большинстве его рассказов страдания не снижают ценности земного бытия, в хотении (воле) нет ошибки или зла, индивид не чувствует себя ничтожным во времени и пространстве, что объясняется реалистичностью восприятия писателем конкретики, а именно менталитета донских казаков. Изображая живую жизнь, Крюков не опирается на абстрактную идею. При этом трагедия осмыслена им как экзистенциальная данность, потому в смерти он не отмечает онтологической целесообразности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гардинер, П. (2003). Артур Шопенгауэр. *Философ германского эллинизма*. Центрполиграф.
2. Матвеева, Е. В. (2014). Пессимизм в философии А. Шопенгауэра. *Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания*, 21, 158–161.
3. Юдин, К. А., Бандурин, М. А. (2013). Артур Шопенгауэр и судьба его идейного наследия в истории философии (К 225-летию со дня рождения (1788–2013)). *Вестник Московского ун-та. Серия 7. Философия*, 5, 26–40.
4. Колобаева, Л. А. (2013). Человек в ситуации «беспочвенности». Философия Льва Шестова и проза Алексея Ремизова. *Философия и литература: параллели, переключки и отзвуки (Русская литература XX века)*. Русский импульс, 188–173.
5. Баранова-Шестова, Н. Л. (1983). *Жизнь Льва Шестова (По переписке и воспоминаниям современников)*. La Presse Libre.
6. Шопенгауэр, А. (2015). *Афоризмы житейской мудрости*. Эксмо.
7. Крюков, Ф. Д. (1892). Гулебщики (Очерк из быта стародавнего казачества). *Исторический вестник: историко-литературный журнал*, 10, 53–73.
8. Малокова, Л. Н. (2019). «И покотился с грохотом обвал...» Судьба и творчество Ф. Д. Крюкова. Фланта.
9. Крюков, Ф. Д. (1990). *Рассказы. Публицистика*. Сов. Россия.
10. Борев, Ю. Б. (2002). *Эстетика: учебник*. Высш. шк.
11. Крюков, Ф. Д. (1993). *Казацкие мотивы: Повести, рассказы, очерки, воспоминания, стихотворение в прозе*. Худ. лит.
12. Андреева, И. С. (2001). *Артур Шопенгауэр: Жизнь и творчество*. РАН. ИНИОН.
13. Смирнова, Е. А., Смирнов, В. Б. (2003). «Певец тихого Дона» Ф. Д. Крюков: в поисках «своего» журнала. *Вестник ВолГУ. Серия 8, 3*, 114–129.

References

1. Gardiner, P. (2003). *Arthur Schopenhauer. Philosopher of Germanic Hellenism*. Tsentrpoligraf. (In Russ.).
2. Matveeva, E. V. (2014). Pessimism in the philosophy of A. Schopenhauer. *Intellectual potential of the 21st century: stages of knowledge*, 21, 158–161. (In Russ.).
3. Yudin, K. A., Bandurin, M. A. (2013). Arthur Schopenhauer and the fate of his ideological heritage in the history of philosophy (To the 225th anniversary of his birth (1788–2013)). *Bulletin of the Moscow University. Series 7. Philosophy*, 5, 26–40. (In Russ.).
4. Kolobaeva, L. A. (2013). A person in a situation of «groundlessness». Philosophy of Lev Shestov and prose of Alexei Remizov. *Philosophy and literature: parallels, echoes and echoes (Russian literature of the twentieth century)*. Russian impulse, 188–173. (In Russ.).
5. Baranova-Shestova, N. L. (1983). *Life of Lev Shestov (According to correspondence and memoirs of contemporaries)*. La Presse Libre. (In Russ.).
6. Schopenhauer, A. *Aphorisms of worldly wisdom*. (2015). Eksmo. (In Russ.).
7. Kryukov, F. D. (1892). Gulebshchiki (Essay from the life of the ancient Cossacks). *Historical Bulletin: historical and literary journal*, 10, 53–73. (In Russ.).
8. Malyukova, L. N. (2019). «And the collapse rolled with a roar...» The fate and work of F. D. Kryukov. Flinta. (In Russ.).

9. Kryukov, F. D. (1990). *Stories. Publicism. Sov. Russia.* (In Russ.).
10. Borev, Yu. B. (2002). *Aesthetics: Textbook. Higher School.* (In Russ.).
11. Kryukov, F. D. (1993). *Cossack motives: Tales, short stories, essays, memoirs, prose poet.* Artist. lit. (In Russ.).
12. Andreeva, I. S. (2001). *Arthur Schopenhauer: Life and work.* RAS. (In Russ.).
13. Smirnova, E. A., Smirnov, V. B. (2003). «Singer of the Quiet Don» F. D. Kryukov: in search of «own» magazine. *Vestnik VolGU. Series 8, 3*, 114–129. (In Russ.).

Информация об авторе

Гао Хань — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса МГУ им. М. В. Ломоносова.

Information about the author

Gao Han — Postgraduate Student, Department of History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process, Lomonosov Moscow State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.